

— В этом мире есть не только дешевые забега-ловки, запомни. Если человек не знает сам, чего хочет, тут ему и аллах не поможет. Аллах добрый лишь к тем, кто знает, чего ему надо. Разве тебе здесь плохо? Не стесняйся. Ты что, не мой гость?

И пошло. Рюмка за рюмкой, блюдо за блюдом, а закуски такие, каких я в жизни не пробовал. Не успел я подумать леденя, что счет, наверное, перевалил не за одну сотню, как он пригласил к нам двух девушек, которые сидели за соседним столиком. Ну, знаете, таких пестрых, в розовом, зеленом, желтом, голубом, с яркими губами, в украшениях и с весьма изящными манерами. Девушки изредка перешептывались и сотрясали прокуренный воздух довольно хриплым смехом. Я не смел уйти, я боялся даже спросить, зачем он их пригласил. Мне просто было стыдно. Он уплыл в обнимку с девушкой в голубом по волнам алкоголя, сигаретного дыма и томящей музыки. А мне ничего не оставалось, как нежно держать в своих ладонях мягкую лапку девушки в желтом и думать о том, что счет наверняка уже исчисляется многими сотнями. А если ему вздумается провести ночь с этими голубками? А если мы таки это сделаем? А если он смоеется, не заплатив?

Я выпил полную рюмку виски и решил, что буду гладить руку, лежащую в моей ладони.

Желтая сказала, что я ей нравлюсь. Несмотря ни на что. Ни на мой костюм. Ни на мою щетину. И вообще на мой вид. Она спросила, что меня беспокоит, заставив нести черт знает какую ахию. Не помню, посочувствовала она мне или нет. Потом она справилась о моей работе. И, конечно, поинтересовалась, нравится ли мне она, девушка, и собираюсь ли я с ней проводить другие вечера. Я не нашел ничего такого, что бы мне в ней не нравилось. И ей нравилась моя фотография. Даже моя подпись, которую я поставил по ее просьбе. Потом, далеко за полночь, я гладил руку уже девушки в голубом. Мы глушили виски и где-то под утро добрались до номера.

А когда я проснулся, рядом со мной не было ни девушки в голубом, ни друга, ни девушки в желтом. Счет?! Вежливый бой сказал, что счет оплачен моим другом, который просил передать мне привет, а сам по срочному делу вылетел не то в Лиссабон, не то в Барселону.

Потребовалось полдня, чтобы я смог очухаться и явиться на службу.

Там меня ждала беседа с шефом. Он с каменным лицом протянул мне фотографию, подаренную мною девице в желтом, и попросил, чтобы «подобные безобразия больше не повторялись», ибо я «не имею права развлекаться, если в кармане нет ни гроша». Кстати, наш ресторанный долг в тысячу двести лир будет погашен ежемесячными вычетами из моего жалованья.

ТУРЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Вкус пищи узнают с солью, вкус мира — глазами.

*

В каждой трудности есть легкость.

*

Если время с тобой не ладит —
ты полади с временем.

* * *

С тех пор прошли годы. И вот я услышал:

— О-о! Здравствуй!

Я спросил:

— Куда ты пригласишь меня на этот раз?

Он пропустил намек мимо ушей.

— С этим покончено. Навсегда. Я тебе должен тысячу двести лир и не забыл долга. Верну при первой же возможности. Ты ведь не знаешь. Я дру-гой. И твердо решил жить честно, пусть на гроши. Зачем втягивать друзей в неприятности? Это не сто-ит нашей души! Я полностью подчинил свою жизнь желаниям моей матери. Она найдет мне невесту — честную, чистую, кроткую девушку из порядочной семьи. Я незамедлительно женюсь. Знаешь, домаш-ний уют, семья, дети... У меня все это будет. До-рогой мой, я теперь отлично понимаю, что прежде всего и превыше всего — честь, благородство, соб-ственное достоинство, солидное поведение. Жить бесчестно, неблагородно — нет! С этим — все! Вер-но я говорю?

— ...?

— Мои друзья, пошли аллах им здоровья, по-дыскали мне место в правлении одной крупной фирмы, очень крупной. Я дал им слово, что со всеми моими похождениями покончено. И они все, как один, поддерживают меня. Ты, разумеется, не захочешь быть в стороне от этого благородного дела. Слушай: я тебе должен тысячу двести лир — так пусть это будет две тысячи двести! Хочешь, я тебе дам чек на две тысячи двести или нет — на три тысячи, с еще лучше, для круглого счета, — на четыре тысячи лир? Потому что это твердо! По-нял? И никто, никогда, ни за что не собьет меня с нового пути...

— ...!

— На ту тысячу лир, что ты мне дашь, я куплю хороший костюм, туфли и все прочее. Ты же по-нимаешь, женитьба, нельзя перед невестой пред-стать голодранцем...

— Ты прав, но...

Он не дал мне докончить:

— Дорогой, я понимаю. Нет тысячи — можно и пятьсот!

— Ей-богу, и пятисот...

— Ладно, не пятьсот. Триста? Двести? Сколько есть?

— К сожалению, ни трехсот, ни двухсот...

Он помолчал, что-то прикидывая в уме. Потом сказал:

— Погоди. Я и с сотню уложусь. Дай только до-браться до Анкары. В Анкаре для меня вопрос денег не существует. Ты же помнишь, там Нежат — ну, Нежат Саглам, Импорт. Богат, живет — люкс... Но ты, впрочем, знаешь, я таких никогда и в грош не ставил. Ладно, главное добраться туда... Дай сотню!

— Но у меня ее нет.

Он рассердился:

— Слушай, дорогой, давай тогда пятьдесят. Хо-рошо, пусть будет двадцать пять лир.

— ...?

— А десять?

— ...?

— Пять?

— ...?

— Две с половиной?

Он помолчал, вздохнул.

— Ясно, понял. Дай сигарету. Хоть покурю, что ли...

Перевели с турецкого
К. Белова и Ю. Нестеренко

Публикуемый ниже отрывок из книги известного французского востоковеда Андре Миго «Кхмеры» посвящен рассказу о столице Камбоджи XII—XIV веков городе Ангкор-Тхом. В комплекс Ангкора входит и построенный в середине XII века всемирно известный храм Ангкор-Ват.

АНГКОР-ТХОМ, КОРОЛЕВСКИЙ ГОРОД

АНДРЕ МИГО

ЭТО был громадный город, площадью в 900 гектаров. Каждая из сторон его ограды тянулась почти на три километра. Высота городских стен, сложенных из глыб латерита, составляла восемь метров. Снаружи стены окружал ров, а за ним шла дорога.

По углам крепости стояли четыре небольших храма, посвященные бодисатве¹ Локешваре. Это были небольшие круглые башни с ложными двойными этажами.

Четверо монументальных ворот в городской стене выходили на четыре стороны света. Пятые ворота — Врата Победы выходили на мощеную дорогу, что вела к королевскому дворцу X века. Во времена расцвета Ангкор-Тхома за его стенами находило приют около миллиона жителей — солдат и рабов, торговцев, священников и чиновников, артистов и астрономов, магов и прорицателей, ремесленников и знати, нищих и калек.

Сердцем города была Королевская площадь. Она находилась рядом с храмом Байон, духовным центром столицы. Эта громадная эспланада (550 на 200 метров), над которой высились башни Байона, служила и для проведения официальных церемоний, и для народных гуляний, и для военных парадов. Широкая прямая аллея, вела от Врат Победы к 300-метровой Террасе Слонов, вознесенной над землею на пять метров. Чтобы подняться на нее, нужно было миновать пять площадок, соединенных лестницами, высеченными в каменном монолите. Перед стоящим внизу человеком возникала панорама уходящих вверх миниатюрных террас, подпорные стены которых были украшены величественными рельефами львов и наг²; на центральной платформе правитель принимал почетных гостей, взирая на них

сверху, пока те шествовали по ступеням. А вдоль всей большой террасы, на протяжении 300 метров, красовались великолепные барельефы слонов в натуральную величину в батальных сценах или на королевской охоте.

На севере Террасу Слонов продолжала Терраса Прокаженного Короля. Здесь на рельефах изображены мифические персонажи — девы и асуры³, окруженные женщинами. Эти прекрасно выполненные рельефы — одно из последних значительных произведений кхмерского искусства в области скульптуры.

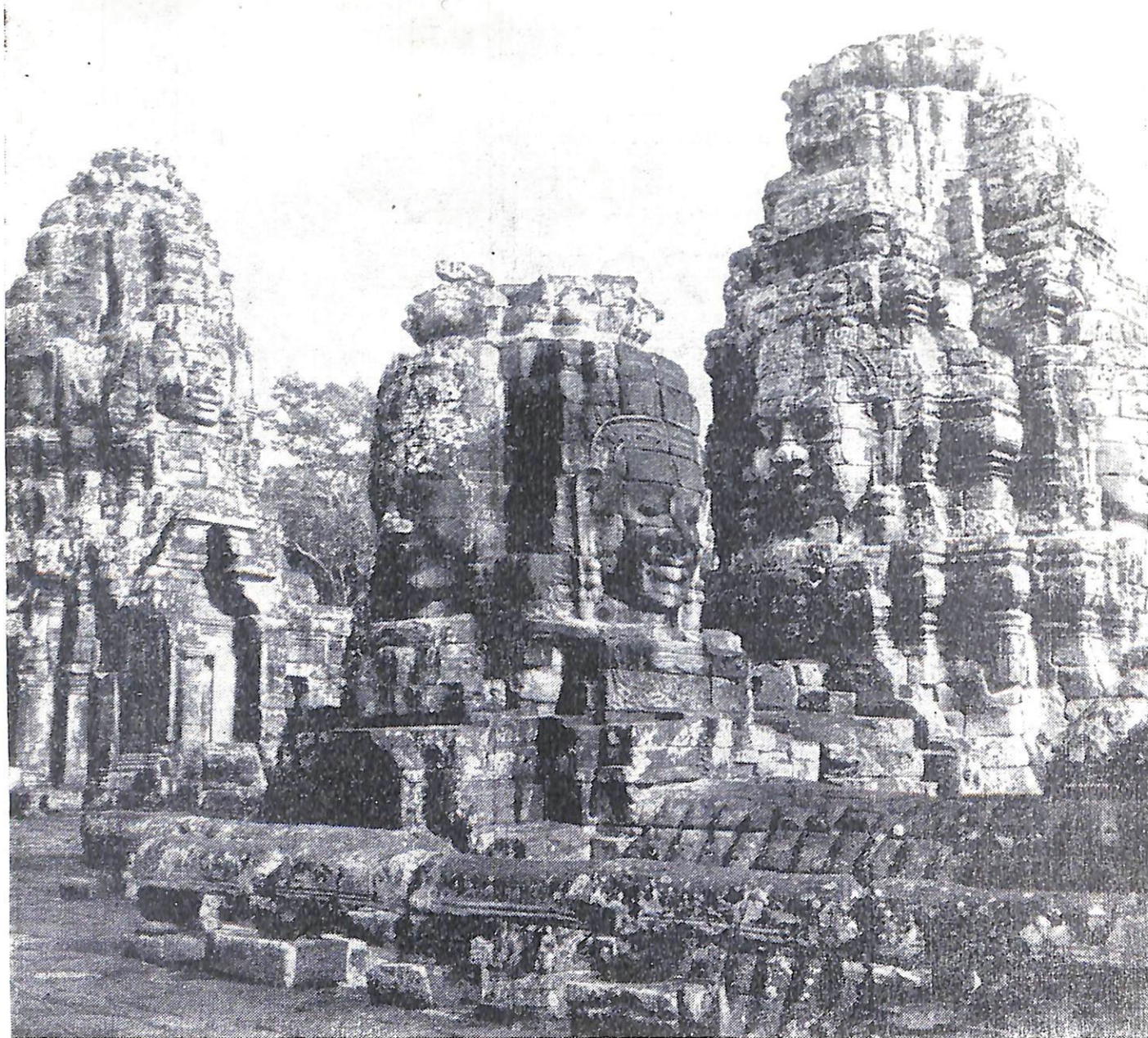
Что же касается «прокаженного короля», статуя которого дала название террасе, то это, как сейчас стало известно, вовсе не король и не прокаженный, а судья из ада: во времена Ангкора терраса служила местом для кремации умерших. И вообще эта статуя, в которой иные исследователи склонны были видеть шедевр кхмерского искусства, — работы очень средней. Изображаемый персонаж сидит «по-явански», в позе «королевского отдыха», правое колено поднято. Интересна скульптура только тем, что это единственное в Ангкоре изображение нагого человека — правда, без гениталий.

Душа Ангкор-Тхома, Байон, помещается в геометрическом центре города, на стыке двух осевых аллей, пересекающих его с севера на юг и с востока на запад. И если Ангкор-Ват является бесспорным шедевром архитектуры Ангкора в силу безупречности своего воплощения, гармонии форм, воздушной стройности башен — словом, всей своей классической красоты, то Байон излучает какое-то колдовское обаяние, быть может, именно благодаря своему несовершенству. Никому не избежать его мистического очарования, оно везде в развалинах башен, в лабиринтах дворов и террас, в аллеях с их таинственным полумраком, в этих скульптурах, бесчисленных

¹ Бодисатва — у буддистов подвижник, достигший просветления, но отказавшийся от нирваны во имя любви к людям.

² Нага — племя змей в кхмерской мифологии.

³ Девы и асуры — по представлениям индуистов обитательницы рая.

Камбоджа. Тринадцать таких башен украшают храм Байон (XII век).

Фото Г. Щербакова

ликах из камня, в мощи вызываемых ими образов, в человеческом тепле, наконец, которое ближе вашему сердцу, чем несколько холодное совершенство Ангкор-Вата.

Да, Байон околдует любого. Так представьте же себе, каким заколдованным царством выглядел он в то время, когда лес держал его в своих объятиях. Вот свидетельство Пьера Лоти⁴.

⁴ Пьер Лоти — французский писатель, автор экзотических «восточных» произведений.

«В хаосе стволов и переплетений лиан пробираешься к храму, расчищая себе путь крепкой дубинкой. Лес подступает к нему со всех сторон, душит, пронзает его стволами своих деревьев; громадные смоковницы выросли на развалинах и, повергнув их в прах, утвердились повсюду, до самых вершин башен, которые служат им пьедесталом. Вот двери; они еле видны за драпировкой свисающих сверху корней, подобных седой бороде старца». Дойдя до алтаря, Лоти разражается новым взрывом чувств:

«Я поднимаю голову к башням, которые нависают надо мной, утоная в зелени, и вздрагиваю: некто глядит на меня сверху, губы раздвинуты в улыбку... Вот еще одна такая улыбка на другой стене, вот третья, пятая, десятая... Эти улыбающиеся лица отовсюду следят за мной».

Освобождение Байона из-под власти тропического леса не уничтожило тайны, которая окутывала его развалины. Чем детальнее знакомство с памятником, тем больше загадок задает он исследователю. Он изумляет и потрясает даже архитекторов — людей, которых самый характер их занятий заставляет мыслить рационально и не предаваться лирическому полету воображения. Вот что писал А. Маршалль, старейший из архитекторов, занимавшихся Ангкором, после того как 20 лет прожил в непосредственной близости от этого памятника: «Неопределенная масса, бесформенная глыба, подобная скале, обработанной людьми; впечатление странное и тем не менее величественное. Таков Байон, хаотичный, ни на что не похожий, удивительный памятник. Он потрясает настолько, что человек, пораженный невиданным зрелищем, забывает о недостатках конструкции. И когда бы ты ни любовался им — ясным ли днем, при свете солнца, или ночью, в сиянии полной луны, невозможно отделаться от мысли, что перед тобою нечто, принадлежащее к другому миру... Так и кажется, что ты перенесся в те легендарные времена, когда бог Индра приказал возвести для своего сына, женившегося на дочери короля наг, дворец, подобный тому, в котором он жил сам в своей небесной обители».

По правде говоря, когда впервые смотришь на Байон, с трудом различаешь детали: он производит впечатление массивной глыбы, горы с крутыми склонами, над которыми там и сям торчат серые скалы. И только по мере приближения понимаешь, что это знаменитые байонские башни, украшенные гигантскими каменными ликами.

И тем не менее тебя не покидает ощущение мелкомасштабности увиденного, если перед этим ты посетил Ангкор-Ват. Действительно, Байон гораздо меньше, чем его соперник. Внутри галереи параметры 160 на 140 метров заключена другая галерея, непосредственно опоясывающая площадку, на которой стоит храм. Ее размеры — 80 на 57 метров — невелики в сопоставлении с Ангкор-Ватом, где они составляют 215 на 187 метров. Центральная башня, окруженная двенадцатью другими с высеченными в них ликами, висится на платформе диаметром в 25 метров.

Посетителя, особенно если он имеет некоторое представление о законах архитектуры, поражает также, что планировка храма, как тонко отметил А. Пармантье, «производит странное впечатление скупченности: башни громоздятся одна на другую, здания теснятся, почти не оставляя свободного пространства, дворы представляют собой настоящие колодцы без воздуха и света».

Причина всего этого в том, что Байон неоднократно перестраивался. Не углубляясь в детали, отметим только, что на глубине около трех метров под зданием храма обнаружены следы еще более древнего, первоначального Байона, представление о планировке которого можно получить, только разрушив новый Байон, — что, конечно, нереально. Впрочем, все говорит о том, что древний Байон ненамного старше дошедшего до нас и что, по-видимому, этапы строительства

нового храма довольно быстро следовали один за другим.

Как и в Ангкор-Вате, стены галерей Ангкор-Тхома являют собою целую серию барельефов из камня. И хотя их исполнение говорит о недостатке профессионального мастерства у ремесленников и лихорадочной поспешности, с которой они работали, и потому часто оставляет желать лучшего, тем не менее в целом они поразительно красивы. Темы этих громадных композиций относятся к двум совершенно разным мирам. Сюжеты скульптурной отделки на стенах внешней галереи составляют важные события из истории Камбоджи и различные бытовые сцены, тогда как внутренняя галерея отведена для изображения богов, эпизодов из легенд и эпических поэм.

Однако сколь ни интересны фрески Байона, мировой славой своей он обязан «башням с ликами», которые и сделали его уникальным памятником в искусстве всех времен и народов. На эти лики с их загадочными улыбками ушло целое море чернил. Кое-кто совершенно не оценил их простоты, как, например, миссионер Буйево, нашедший эти изображения «благодарными и лишенными жизни», или Лоти, который углядел на улыбающихся ликах выражение «какой-то ущербной женственности».

Статуя Джаявармана VII (предположительно) — строителя Ангкор-Тхома.

Подобных уничижительных оценок в наше время не услышишь. Сейчас наш искушенный взор в состоянии должным образом оценить эстетику Дальнего Востока, столь отличающуюся от нашей. Башни Байона являются, по мнению

всех, кто их видел, высшим достижением артистического гения кхмеров. Поражает сходство этих каменных ликов с лицами современных камбоджийцев: то же квадратное лицо, слегка уплощенное, тот же нос, расширяющийся у четко вырезанных ноздрей, те же миндалевидные глаза, полные, четко очерченные губы, та же спокойная и доброжелательная улыбка — эта улыбка Ангкора, таинственная, загадочная, которую сравнивают с улыбкой Монны Лизы.

Специалисты-архитекторы зашли в тупик, пытаясь объяснить назначение этих башен. Когда Луи Фино⁵ установил, что скульптуры Байона несомненно буддийские и изображают Локешвару, пришлось допустить, что четырехликие образы на башнях — это изображения бодисатв. И есть здесь еще один элемент: в буддийской символике личность короля и королевство вы-

ступают как одно целое. Поэтическое чутье Пьера Лоти позволило ему понять это, и он написал: «И с высоты эти четыре лика проникают взглядом повсюду, взирая на мир сквозь полупущенные ресницы с выражением насмешливого сожаления и снисходительной улыбкой; они утверждали, они неустанно внушали мысль о подавляющем превосходстве бога Ангкора».

И Лоти был прав, ибо бог Ангкора, о котором он писал, — это Локешвара, милосердный, тот, чьи взоры устремлены во все стороны вселенной, чтобы охранить все живущее, но в то же время это и король Джаяварман VII⁶, идентифицированный с Локешварой и простирающийся, подобно бодисатве, свое покровительство над всеми областями королевства.

(Окончание в № 6)

⁵ Луи Фино — французский ученый, специалист по истории Камбоджи эпохи Ангкора.

⁶ Джаяварман VII — король Камбоджи, правивший в конце XII века.

Что такое «восемьдесят восемь»?

— Восемьдесят восемь, — говорит белый южноафриканец, встретив знакомого.

— Восемьдесят восемь, — слышит он в ответ.

Подобный обмен приветствиями заменяет многим поклонникам нацизма в ЮАР обычное «здравствуйте». Таинственная цифра расшифровывается просто: в латинском алфавите на восьмом месте стоит буква «Н». Два «Н» означают сокращение от фашистского «хайль Гитлер». В ЮАР даже существует нацистская группа, именующая себя «88».

После разгрома стран фашистской «оси» во второй мировой войне недобитые нацисты вереницей потянулись на юг Африки. Число немецких эмигрантов, поселившихся в ЮАР, превышает 70 тыс. человек. Среди них не менее двух тысяч офицеров гитлеровского вермахта и СС.

В целях создания благоприятной обстановки для деятельности профашистских организаций в ЮАР боннское правительство неизменно назначает послами в Преторию людей с нацистским прошлым, таких, как Вернер фон Юн-

кер, доктор Густав Штром, бывший начальник отдела по колониальным вопросам в гитлеровском министерстве иностранных дел. В настоящее время послом ФРГ в ЮАР назначен Густав Зонненхоль, член Нацистской партии с 1929 года, в прошлом офицер СС.

Все большую активность проявляет обосновавшийся в ЮАР филиал западногерманской неонацистской партии НДП. Его возглавляет комиссионер по продаже автомашин Оскар Шеффлер. Он и его заместитель по партии Рольф Вентцлов призывают бороться за «чистоту арийской расы». Подобные же цели преследует и тайная экстремистская организация «Нуве рейтерваг», а также Общенациональное военное движение, штаб-квартира которого находится в Виндхукке, то есть на территории аннексированной расистами Юго-Западной Африки (Намибия).

Недавно южноафриканский журнал «Персонэлити» рассказывал еще о двух тайных группах неонацистов. Одна из них называется «ОДЕССА», что расшифровывается как «Организация бывших членов СС»,

другая именуется «Ди спинне» — «Паук».

В числе главных функционеров «Ди спинне» журнал «Персонэлити» называет Гельмута фон Лихтенфельда, редактора откровенно фашистского журнала «Африка шпигель», а также двух журналистов из Претории — доктора Адольфа Менге и его сына Леона. Своеобразным «клубом», где встречается вся эта братия, стал книжный магазин «Веритас» в столице ЮАР.

Стоит отметить, что Гельмут фон Лихтенфельд был до недавнего времени сотрудником государственной информационной службы, Леон Менге — сейчас заместитель редактора информационного отдела Южноафриканской радиовещательной корпорации. А чему тут удивляться, если во главе этого учреждения стоит старый поклонник нацизма доктор Пит Мейер — до недавнего прошлого председатель тайного расистского общества «Брудербонд». Своего сына Мейер назвал Ицан. Если читать имя наоборот, получится «наци».

Такова лишь небольшая часть обширной сети южноафриканских фашистских организаций, процветающих на благодатной почве апарtheid.

А. Бутлицкий

ХОЗЯИН ДЖУНГЛЕЙ

КЕСРИ СИНГХ

ЧАСТО утверждают, и я встречал это в книгах, слышавших авторитетными источниками, что тигры не умеют лазить по деревьям. Действительно, как правило, они занимаются этим весьма неохотно. Но мне кажется, что это происходит в большей степени из-за отсутствия привычки, а не по врожденной неспособности. Взрослые тигры слишком тяжелы для того, чтобы жить полувоздушной жизнью, подобно пантерам. Редкий сук может выдержать вес тигра. Но утверждать, что они не умеют лазить по деревьям только потому, что в обычных условиях они этого не делают, представляется мне искажением фактов. Я сам своими глазами не раз видел, как тигр лазит по деревьям, и это заставляет думать, что, если потребуется, тигры могут, вероятно, проделывать такие трюки, какие и представить себе невозможно.

Деревню Рей в штате Гвалиор стал навещать исключительно наглый похититель скота. Ужас воцарился в сердцах жителей. Обычно тигр затаивался близ колодца, в полумиле от деревни, где крестьяне поили скот. Облюбовав наиболее упитанное животное, он прыгал на него, сбивал на землю и утащивал в ближайшее укрытие. Если убитые горем владельцы животного пытались отогнать тигра, он без колебаний расправлялся с несчастными. Таким об-

разом он уничтожил пятерых людей и почти сорок голов скота. Это выяснилось, когда я приехал, чтобы узнать у старосты подробности.

Я начал размышлять, как положить конец злодеяниям полосатого чудовища.

Стоял жаркий сезон, и вскоре я понял, почему тигру так везло: колодец, у которого он зверствовал, был единственным в округе источником воды для скота. Находился колодец в джунглях, поодаль от людского жилья. От колодца отходил выложенный камнем желоб. Крестьяне следили за тем, чтобы он был всегда наполнен водой. Следы лосей и кабанов убедили меня, что к желобу регулярно приходят и дикие животные. Поскольку я не мог найти в этом районе другого естественного источника воды, напрашивался вывод, что тигр частенько навещает это место не только ради мяса, но и для того, чтобы напиться.

И хотя в последние дни грабителя никто не видел, я решил засесть у водопоя. Баньян, стоявший у колодца, был весьма удобен и как укрытие, и как хорошая позиция для стрельбы. Поэтому я приказал моим спутникам соорудить в баньяновых ветвях, примерно в футах двадцати над землей, небольшую платформу. Идеальных во всех отно-

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 3 за 1971 год.

Еще один хозяин джунглей — леопард.